

F 75
60

2011121969

Къ вопросу объ университетской реформѣ.

Вотъ уже болѣе полугода въ періодической печати на разные лады обсуждается капитальнѣйшій вопросъ русской жизни и русской науки,—вопросъ о преобразованіи російскихъ университетовъ. Многочисленны и разнообразны статьи, посвященныя этому предмету, многочисленны и разнообразны мнѣнія, высказанныя представителями университетскаго образования. Недалекъ и часъ, когда къ предполагаемой реформѣ будетъ приступлено, и минуетъ срокъ предварительнаго обсужденія вопроса...

А между тѣмъ, по глубокому моему убѣжденію, многія и очень многія изъ высказанныхъ и высказываемыхъ мнѣній только поверхностно затрагиваютъ капитальнѣйшую проблему университетской реформы. Я далекъ, конечно, отъ мысли предлагать какой-либо цѣльный, строго обдуманый проектъ желательныхъ преобразованій. Я хотѣлъ-бы только указать на тотъ ложный путь, по которому шло и идетъ предварительное обсужденіе вопроса; хотѣлъ-бы также указать (конечно, въ самыхъ общихъ чертахъ) на ту точку зрѣнія, которую считаю единственной полезной въ смыслѣ рациональной постановки вопроса.

Нельзя не сознаться, что умъ человѣческій представляетъ собой нѣчто весьма косное. Вообще въ высшей степени не легко отрѣшиться отъ старыхъ излюбленныхъ формъ, выйти изъ рамокъ той системы созерцанія, къ которой мы привыкли въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ. Тѣмъ труднѣе этотъ переходъ отъ старой системы къ новой, когда требуется создать новую систему скоро, по необходимости и какъ-бы по заказу. Въ этихъ случаяхъ задача какъ-то сама собой разрѣшается не въ смыслѣ открытія новыхъ путей, а въ смыслѣ мелочной передѣлки старыхъ, что, конечно, далеко не ведетъ къ лучшему.

Нѣчто подобное произошло и теперь, когда печать и университетскіе представители занялись предварительнымъ обсужденіемъ вопроса о реформѣ нашихъ университетовъ.

Всѣмъ извѣстно, что уставъ 1884 года, весьма мало соотвѣтствовавшій смыслу университетской жизни, былъ встрѣченъ обществомъ и университетами весьма несочувственно. Уставъ 1863 года, даже для своего времени не представлявшій полнаго совершенства до послѣдней минуты остается милъ и дорогъ сердцу университетскаго дѣятеля, какъ воспоминаніе о золотомъ вѣкѣ университетской жизни. Немудрено, что въ настоящій моментъ, когда поставленъ ребромъ вопросъ о непригодности устава 1884 года и о замѣнѣ его новымъ, всѣ сразу заговорили о возвращеніи къ уставу 1863-го года, при чемъ, конечно, забыли обратить вниманіе на нѣкоторыя весьма существенныя вещи... И прежде всего забыли этотъ послѣдній подвергнуть критикѣ. Забыли, что университетская жизнь, какъ и всякое явленіе жизни и природы, подвержена эволюціи и усложненію, и что иногда не годится вливать вино новое въ мѣха старыя... Забыли поставить на очередь капитальнѣйшіе вопросы о томъ, въ какой мѣрѣ духъ устава 1863-го года соотвѣтствуетъ настроенію нынѣшней молодежи и отвѣчаетъ требованіямъ ея духовной жизни, а равно въ какой мѣрѣ реставрація этого устава способна излѣчить современные недуги и равы университетскаго цѣлаго. Забыли, наконецъ, спросить и формулировать, въ чемъ именно заключается главнѣйшая болѣзнь нашихъ университетовъ.

Изъ всѣхъ приводимыхъ ошибокъ памяти, послѣдняя ошибка—наименѣе прощительна. Да и какъ, спрашивается, лѣчить болѣзнь, когда нѣтъ правильно поставленнаго діагноза?.. Какъ устранять и предотвращать нестроенія университетской жизни, когда самую сущность этихъ нестроеній не умѣешь формулировать?.. Вѣдь не можетъ-же созданіе новаго устава ограничиться параграфомъ объ утrogenіи жалованья профессорамъ, да табелью о правахъ и преимуществахъ этихъ послѣднихъ!.. Нѣтъ сомнѣнія, рѣчь должна тутъ идти кой о чемъ, несравненно болѣе существенномъ.

Главное зло современной жизни нашихъ университетовъ, это, по глубокому моему убѣжденію, исчезновеніе добрыхъ семейныхъ отношеній между профессорами и студентами и возникновеніе взаимнаго недовѣрія между тѣми и другими. И то, и другое съ каждымъ годомъ все сильнѣе и сильнѣе даетъ себя чувствовать. Отсюда, во-первыхъ, утрата профессорами ихъ прежняго вліянія на молодежь; во-вторыхъ, небрежное и недовѣрчивое отношеніе большинства этой молодежи къ наукѣ. Послѣднее вполне естественно, такъ какъ студентъ свое недовѣріе къ профессору невольно переноситъ на его науку. Объ утратѣ профессорами прежняго вліянія нужно особенно пожалѣть, такъ какъ это вліяніе было, есть и будетъ единственной силой, могущей успокаивать и прекращать *всевозможныя* университетскія недораазумѣнія. Взаим-

ная рознь и взаимное непониманіе еще усиливается, благодаря различію возрастовъ и настроеній. Оно и понятно: старѣйшая часть университетскаго персонала не успѣваетъ слѣдить за теченіемъ соціальныхъ вѣяній, подѣ влияніемъ которыхъ молодежь всегда находилась и будетъ находиться, и которыя изъ году въ годъ становятся все сложнѣе и разнообразнѣе... Итакъ, повторяю, главное зло, съ которымъ должны бороться создатели новаго университетскаго устава, это—взаимное недоувѣріе и непониманіе, съ особенной рѣзкостью проявившіяся за послѣдніе годы въ отношеніяхъ профессоровъ и студентовъ.

Единственными средствами для борьбы съ этимъ зломъ я считаю, во-первыхъ, коренную реформу нашихъ, такъ называемыхъ, „факультетовъ“, во-вторыхъ, параллельно съ этой реформой ведущееся преобразование института привать-доцентовъ. Я особенно настаиваю на параллельномъ веденіи обѣихъ реформъ. Выразусь яснѣе: реформа факультета должна быть произведена не иначе, какъ въ смыслѣ слиянія въ одно цѣлое этого учрежденія съ институтомъ привать-доцентовъ.

Учредители этого института (въ 1863-мъ году) и не подозревали, какая огромная будущность предстояла „сословію“ привать-доцентовъ, какую крупную роль впоследствии будетъ оно играть въ университетской жизни. Вотъ, вѣроятно, причина, по которой гуманный уставъ 1863 года не позаботился дать этому „сословію“ какого-либо опредѣленнаго положенія въ общемъ механизмѣ университетскаго цѣлага. Ко времени введенія устава 1884 года роль и значеніе института привать-доцентовъ, однако, начала выясняться. Тѣмъ отчетливѣе выступаетъ на видъ нецѣлесообразность нынѣ дѣйствующаго устава университетовъ, который не только не поставилъ себѣ цѣлью упрочить и усилить положеніе привать-доцентовъ въ университетѣ и черезъ это извлечь максимумъ пользы изъ названнаго института, но даже счелъ необходимымъ уничтожить установленное уставомъ 1863 года званіе штатныхъ доцентовъ и такимъ образомъ оторвалъ корпорацію привать-доцентовъ отъ факультета, да пожалуй и отъ молодежи. И тѣмъ не менѣе жизнь и требованія времени такъ распорядились, что „сословіе“ привать-доцентовъ все-таки продолжаетъ выполнять свою капитальную, положенную силой соціальной необходимости, роль, несмотря на обиліе неблагоприятныхъ условій, несмотря на то, что привать-доценты не имѣютъ ни правъ, ни опредѣленнаго положенія въ университетѣ, ни, наконецъ, матеріальнаго обезпеченія.

Дѣйствительно, трудно представить себѣ въ настоящее время общественное положеніе, служебныя права и обязанности, съ большимъ трудомъ поддающіяся опредѣленію, какъ положеніе, права

и обязанности университетскихъ привать-доцентовъ! Грозное понятіе о „жупелѣ“ доступнѣе человѣческому пониманію!..

Огромное количество труда и времени потрачивая на ученія и учебныя занятія въ университетѣ, принося этимъ трудомъ высокую пользу не только родинѣ, но и всей общечеловѣческой наукѣ, привать-доценты, однако, не получаютъ ни жалованья, ни чиновъ, ни всего того, что предоставлено закономъ, какъ штатнымъ профессорамъ, такъ и самымъ мелкимъ чиновникамъ, начиная съ канцелярскаго служителя... Соревнуя съ профессорами въ достоинствѣ научныхъ трудовъ и въ приобрѣтеніи познаній, превышая нерѣдко послѣднихъ общей суммой знаній и научнымъ авторитетомъ (въ глазахъ западныхъ ученыхъ), имѣя тѣ-же ученыя степени, что и профессора, не менѣе ихъ близкіе къ университетскому дѣлу, не менѣе ихъ (а иногда и болѣе) способные рѣшать самые сложные университетскіе вопросы, привать-доценты, однако, не могутъ принимать участія въ университетскихъ дѣлахъ, такъ какъ не имѣютъ *даже* права голоса въ факультетахъ и Совѣтѣ, хотя и составляютъ самый свѣжій и жизненный элементъ преподавательскаго персонала.

Занимая, по возрасту и настроенію, какъ-бы среднее положеніе между студентами и профессорами, болѣе чуткіе къ голосу и настроенію молодежи, чѣмъ профессора, и ближе входящіе въ положеніе и настроеніе профессоровъ, чѣмъ студенты, привать-доценты не могли даже получить того положенія въ университетѣ, которое облегчало-бы имъ возможность на дѣлѣ выполнять ихъ роль естественныхъ посредниковъ и примирителей между молодежью и старѣйшей частью преподавательскаго персонала университетовъ!..

А между тѣмъ осуществленіе именно этой послѣдней задачи и должно было-бы составлять, по крайнему моему разумнію, главнѣйшую и важнѣйшую цѣль наиболѣе совершенной университетской организаціи.

Итакъ, преобразование института привать-доцентовъ, въ смыслѣ дальнѣйшаго развитія и усиленія этого института, есть настоятельная и неотложная потребность современной университетской жизни. Вотъ почему я, прежде чѣмъ говорить о реформѣ факультета, прежде чѣмъ показать, въ какой мѣрѣ эта реформа необходима, и въ какомъ направленіи должна быть сдѣлана, въ настоящей замѣткѣ считаю нужнымъ прежде всего рассмотреть современное положеніе привать-доцентуры въ нашихъ университетахъ, выяснить роль и значеніе корпораціи привать-доцентовъ и вырѣшить основные вопросы, касающіеся ихъ настоящаго положенія.

Изъ этихъ вопросовъ важнѣйшими, конечно, являются слѣдующіе два:

1) Слѣдуетъ-ли предоставлять приватъ-доцентамъ опредѣленное штатное (хотя-бы и небольшое) вознагражденіе и признавать ихъ состоящими на государственной службѣ?

2) Слѣдуетъ-ли предоставить приватъ-доцентамъ право активнаго участія въ университетскихъ дѣлахъ, а именно право голоса въ факультетахъ и Совѣтѣ?

Разсмотримъ сначала первый вопросъ.

Штатный профессоръ университета читаетъ, въ среднемъ, шесть лекцій въ недѣлю. На чтеніе этихъ лекцій и на подготовку къ нимъ онъ тратитъ извѣстное количество времени и труда.

Приватъ-доцентъ читаетъ, въ среднемъ, только три ¹⁾ лекцій въ недѣлю, т. е., въ половину меньше профессора; однако, на чтеніе лекцій и на подготовку къ нимъ онъ тратитъ, во всякомъ случаѣ, не менѣе половины профессорскаго труда, и трудъ его, какъ увидимъ ниже, далеко не низшаго качества.

Итакъ, количество труда, затрачиваемаго на службѣ университета приватъ-доцентомъ, составляетъ никакъ не менѣе 50% труда, затрачиваемаго профессоромъ.

Между тѣмъ, профессоръ получаетъ относительно значительное содержаніе, приватъ-доцентъ ничего не получаетъ.

Если въ настоящее время университеты ходатайствуютъ объ увеличеніи профессорскаго оклада, примѣрно, вдвое, втрое противъ нынѣшняго, надѣясь, и вполнѣ резонно, что въ казнѣ хватитъ денегъ для этого, то почему не допустить, что въ казнѣ могло-бы найтись и нѣсколько крохъ для приватъ-доцента, почему не ходатайствовать объ увеличеніи хотя-бы на тысячу рублей вознагражденія приватъ-доцента, которое нынѣ (за немногими исключеніями) равняется почти нулю?..

Даже въ нынѣ дѣйствующемъ уставѣ университетовъ сказано, что въ профессора избираются изъ приватъ-доцентовъ лица, наибольше достойныя въ отношеніи опытности и учености.

Хорошо!.. Но, чтобы быть опытнымъ въ преподаваніи, нужно дѣятельно читать лекціи, при чемъ требуется не мало времени на основательную подготовку къ нимъ. А чтобы культивировать въ себѣ дѣльнаго ученаго, нужно внимательно слѣдить за движеніемъ науки, нужно все свободное отъ университетскихъ занятій время посвящать на приобрѣтеніе знаній, на составленіе диссертаций, на созданіе дальнѣйшихъ ученыхъ работъ. На какія-же средства, спрашивается, существовать приватъ-доценту?.. Быть мелкимъ чиновникомъ?.. Это—тратить 6—10 часовъ въ сутки на чуждую душѣ канцелярскую работу и приходить домой усталымъ, разбитымъ и неспособнымъ къ какому-либо иному труду!.. Быть

¹⁾ Иногда гораздо больше.

преподавателемъ?.. Это—почти то же. Искать переписки?.. Поступать въ старшіе дворники?.. На сколько мнѣ извѣстно, всѣ члены университетскихъ Совѣтовъ, по приводимымъ здѣсь причинамъ, высказались за несомѣстимость профессорской должности съ частной службой. Развѣ не въ той-же, развѣ не въ большей степени должность приватъ-доцента несомѣстима съ этой частной службой?.. Нужно сдѣлать изъ приватъ-доцента профессора, а развѣ сдѣлаешь профессора изъ ничего?.. Ходатайствуютъ объ увеличеніи жалованья профессорамъ. *А развѣ не въ большей степени нуждаются въ такомъ увеличеніи жалованья и поощреніи приватъ-доценты?..*

Представьте себѣ, далѣе, рядомъ: профессора съ ученой степенью доктора и приватъ-доцента, послѣ многихъ лѣтъ лишеній, упорнаго труда, тяжелой борьбы, добившагося, наконецъ, ученой степени доктора и высокаго авторитета въ наукѣ. Допустите (а это случается сплошь и рядомъ), что этотъ преждевременно постѣдѣвший и состарившійся человѣкъ лучше того-же профессора знаетъ свой предметъ, болѣе любимъ слушателями, имѣетъ учениковъ, составившихъ себѣ имя за границей.. Неужели такого приватъ-доцента, открывшаго новые пути въ наукѣ, возможно, по отношенію къ профессору его каѳедры, поставить рядомъ съ молодымъ человѣкомъ, только что окончившимъ курсъ университета, за два года магистривавшимся и превратившимся въ приватъ-доцента? Какая, передъ лицомъ истины, можетъ быть разница между этими двумя докторами, въ смыслѣ достоинствъ, ученыхъ заслугъ, права на каѳедру и пр., а между тѣмъ одинъ будетъ получать 5000 рублей въ годъ, другой—ничего; одинъ пользуется всѣми правами, другой—ничѣмъ?..

Гуманный уставъ 1863 года, создавая институтъ приватъ-доцентовъ, конечно, не подозрѣвалъ, что, съ теченіемъ времени, появятся приватъ-доценты — доктора, безъ всякихъ средствъ къ жизни и необезпеченные гуманнымъ университетомъ,—иначе онъ, это великое созданіе великихъ людей героическаго поколѣнія, принялъ-бы, несомнѣнно, свои мѣры на случай возможнаго! *Недостаточно нынѣ возстановить этотъ уставъ—необходимо и дополнить его.*

Итакъ, если позволительно надѣяться, что правительство увеличитъ содержаніе университетскихъ профессоровъ, примѣрно, на 3000 рублей въ годъ, въ среднемъ, на каждыя, то не менѣе основаніи надѣяться, что то же правительство и по тѣмъ-же причинамъ, *не съ бдльшей потерей для казны*, могло-бы увеличить на 600—1,200 рублей вознагражденіе и приватъ-доцентовъ, равняющееся нынѣ нулю. Разъ постановивъ увеличить общую цифру ежегоднаго расхода на жалованье 70-ти человѣкамъ профессоровъ на 200,000 —

250,000 рублей, оно опять-таки, *не съ большимъ урономъ для казны* могло бы увеличить вознагражденіе и привать-доцентовъ (нынѣ достигающее, какъ кажется, 10,000 — 18,000 рублей) еще на 50,000—60,000 рублей въ годъ. Полагая число привать-доцентовъ въ 150 человекъ (врядъ-ли когда-либо цифра превыситъ этотъ почти невѣроятный для воображенія предѣлъ), изъ коихъ 90—магистрантовъ, 45—магистровъ и 15 — докторовъ, и полагая 300 рублей ежегоднаго вознагражденія магистрантамъ, какъ наименѣе опытнымъ въ преподаваніи и наименѣе зарекомендовавшимъ себя ученымъ, 600—магистрамъ и 1,200—докторамъ, какъ наиболѣе полезнымъ для университета и вполне уже зрѣлымъ научнымъ дѣятелямъ, получимъ общую цифру въ 72,000 рублей. Это вознагражденіе желательно фиксировать, сдѣлать штатнымъ ради того, чтобы привать-доцентъ могъ заниматься своей наукой съ большей увѣренностью и съ большимъ спокойствіемъ, не заботясь о томъ, что случайное недоразумѣніе, завистливый капризъ или ссора съ представителемъ его кафедры въ факультетѣ могли бы лишить его средствъ и способовъ продолжать начатую научную дѣятельность. Въ виду ничтожности проектируемыхъ здѣсь вознагражденій, желательно было бы, черезъ опредѣленные промежутки выслуженнаго времени (въ нѣсколько лѣтъ), увеличивать окладъ на извѣстную его часть, такъ какъ съ годами нужды и потребности возрастаютъ, силы и здоровье слабѣютъ, семейство увеличивается и пр. и пр.

Такъ какъ, примѣрно, четвертая или даже третья часть привать-доцентовъ получаетъ уже опредѣленное жалованье, въ качествѣ ассистентовъ разнаго рода и штатныхъ преподавателей, предполагая далѣе, что нѣкоторая часть состоятельныхъ привать-доцентовъ (такіе—не рѣдкость) добровольно откажется отъ причитающагося имъ вознагражденія, можно было бы существенно повысить предполагаемую норму вознагражденій.

Вотъ простѣйшее рѣшеніе вопроса о размѣрахъ и распределеніи жалованья привать-доцентовъ.

При обсужденіи того же вопроса о вознагражденіи и служебномъ положеніи привать-доцентовъ, не слѣдуетъ смотрѣть на вещи *исключительно* съ точки зрѣнія устава 1863 года, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые. Да и къ чему, спрашивается, возстановлять уставъ 1863 года *во всей его полнотѣ*? Развѣ этотъ уставъ современенъ? Развѣ этотъ уставъ былъ идеальнымъ? По отношенію къ привать-доцентамъ, идеальнымъ онъ могъ только *казаться*, потому что въ періодъ его дѣйствія почти не было привать-доцентовъ, не было голодныхъ! А если и появлялись на кафедрахъ привать-доценты, они уже заранѣе были отмѣчены перстомъ факультетовъ и безъ средствъ къ жизни не оставались, ибо имѣли

стипендіи или получали жалованье, въ качествѣ ассистентовъ, лаборантовъ, хранителей музеевъ и т. п. Созидатели устава 1863 года, конечно, не имѣли въ виду лишать правъ и средствъ научныхъ дѣятелей, столь полезныхъ университету, такъ какъ приватъ-доценты предполагались лишь вѣроятной рѣдкостью и при томъ обезпеченными изъ особыхъ суммъ университетовъ. Сверхъ того, ученые тогда рѣдко и засиживались въ приватъ-доцентахъ уже по той простой причинѣ, что въ тѣ времена ученыхъ на Руси было весьма немного. Оставить приватъ-доцентовъ лишенными правъ и средствъ было уже чуть не преступленіемъ со стороны устава 1864 года тѣмъ болѣе, что ко времени введенія этого устава число приватъ-доцентовъ уже значительно увеличилось, хотя и тогда еще голодныхъ между ними было сравнительно весьма немного. Въ настоящую минуту ихъ уже болѣе сотни, а питаются они и живутъ чѣмъ Богъ послалъ: кто орудуетъ въ газетахъ и журналахъ, кто фигурируетъ въ роли присяжнаго стряпчаго, чиновника, учителя, кто питается гонораромъ, а кто и ничѣмъ не питается. Вотъ почему приватъ-доценты нынѣ такъ долго засиживаются въ магистрантахъ и еще дольше въ магистрахъ. Тяжелое матеріальное положеніе приватъ-доцентовъ, это— жестокій и несомнѣнный тормазъ для русской науки, не позволяющій ей двигаться впередъ съ возможной и надлежащей быстротой, и удивительно, какъ до сихъ поръ отечественные гуманисты (снабженные жалованьемъ, чинами и правами) могли закрывать глаза на этотъ убійственный фактъ!.

Не будучи сторонникомъ табели о рангахъ, я, однако, позволилъ бы себѣ задать вопросъ, почему бы приватъ-доцентамъ, которыхъ трудъ лишь въ половину меньше профессорскаго, не получать чиновъ и орденовъ, связанныхъ съ опредѣленными окладами жалованья? Чѣмъ они хуже мелкихъ чиновниковъ, трудъ которыхъ отнюдь не выше и не болѣе полезенъ государству, и которые, однако, всѣмъ этимъ пользуются?..

При рѣшеніи разбираемаго вопроса о правахъ приватъ-доцентовъ, слѣдуетъ первымъ долгомъ припомнить и формулировать, что такое представляютъ приватъ-доценты, какую роль играютъ они нынѣ въ университетской жизни и наукъ, и насколько роль эта менѣе почтенна, чѣмъ роль штатныхъ профессоровъ.

Есть приватъ-доценты, читающіе общіе курсы, пользующіеся недурнымъ гонораромъ, иногда получающіе отъ факультетовъ штатное вознагражденіе, имѣющіе степень магистра и даже доктора. Между ними попадаются великолѣпные ораторы (студенты частенько охотнѣе посѣщаютъ ихъ лекціи, чѣмъ параллельные курсы профессоровъ), попадаютъ крупные ученые, вдохновенные

преподаватели, имѣющіе сплошь и рядомъ огромное вліяніе на молодежь, огромное отчасти отъ того, что они по духу и возрасту стоятъ къ ней несравненно ближе профессоровъ, глубже ее понимаютъ и легче ею понимаются. Такіе привать-доценты, съ точки зрѣнія знаній, научныхъ достоинствъ, ученой степени, значенія въ университетѣ и т. п., ничѣмъ не отличаются отъ профессоровъ (между которыми также есть не мало магистровъ), развѣ только тѣмъ, что они не имѣютъ права голоса въ факультетахъ и совѣтѣ, чиновъ и профессорскаго жалованья.

Но вообще главное занятіе привать-доцентовъ, это—чтеніе необязательныхъ, или, такъ называемыхъ, „спеціальныхъ“ курсовъ по извѣстнымъ отдѣламъ представляемой каждымъ изъ нихъ науки. Этотъ общій случай мы и разсмотримъ.

Спеціальныя курсы посѣщаются немногочисленными слушателями; это все спеціалисты по данному предмету и между ними—будущіе ученые. На такихъ курсахъ студенты съ особенной подробностью знакомятся съ извѣстнымъ лишь отдѣломъ данной науки, изучаютъ, лекція за лекціей, всѣ детали методовъ изслѣдованія, какъ простѣйшихъ, такъ и сложнѣйшихъ, безъ знанія которыхъ (последнихъ) нельзя писать самостоятельную спеціальную работу, знакомятся подробно съ литературой отдѣла и, подготовившись такимъ образомъ самостоятельно мыслить въ данной области, уже легко могутъ, выбравъ одну изъ темъ, предложенныхъ преподавателемъ, начать, подъ его руководствомъ, самостоятельное научное изслѣдованіе,—впослѣдствіи первую печатную работу начинающаго ученаго.

Профессора же, главнымъ образомъ, читаютъ общіе, общеобразовательныя курсы; они знакомятъ слушателей лишь съ общими методами анализа, значеніе которыхъ еще не даетъ учащемуся возможности приступить къ самостоятельному изслѣдованію; они знакомятъ слушателей лишь съ общими свѣдѣніями по данной наукѣ.

Итакъ, штатныя профессора даютъ молодежи общее образованіе, а привать-доценты культивируютъ изъ ея среды будущихъ ученыхъ, будущихъ профессоровъ.

Конечно, и профессора занимаются не мало тѣмъ же. Но, какъ я это за послѣднее время замѣчаю и съ особеннымъ убѣжденіемъ формулирую, эта роль—подготовителей будущихъ ученыхъ—постепенно переходитъ нынѣ отъ профессоровъ къ привать-доцентамъ.

И вотъ, я спрашиваю. Неужели роль привать-доцента въ томъ видѣ, въ какомъ я ее только что формулировалъ, менѣе почтенна, чѣмъ роль профессора, читающаго общій курсъ?..

Сомнѣваюсь... Лекціи общаго курса нерѣдко съ значитель-

нымъ успѣхомъ могутъ быть возмѣщены хорошимъ учебникомъ, къ которому обыкновенно и прибѣгаютъ студенты, вообще мало-слушающіе курсъ. Тогда какъ безъ опытнаго руководителя сдѣлаться ученымъ — далеко не легко.

Хотя приватъ-доцентъ читаетъ въ половину меньше лекцій, чѣмъ профессоръ, зато подготовка къ лекціямъ по спеціальному курсу, для котораго, какъ для общаго, учебниковъ, однако, не имѣется, и который приватъ-доцентъ долженъ составить самъ на основаніи массы спеціальныхъ работъ, является дѣломъ *гораздо* болѣе труднымъ.

Итакъ, количества труда, затрачиваемаго на служеніе наукъ профессоромъ и приватъ-доцентомъ, нерѣдко почти одинаковы, роли ихъ одинаково почтенны, значеніе ихъ въ наукѣ, а также значеніе въ глазахъ молодежи одинаково велико, ученые степени одинаковы (разумѣю здѣсь лишь приватъ-доцентовъ, имѣющихъ степени), польза, приносимая ими университету и наукѣ, одинакова, университетскіе вопросы и дѣла одинаково ихъ волнуютъ и съ одинаковой степенью мудрости могутъ быть обоими разрѣшаемы..., а между тѣмъ только профессора составляютъ факультеты, только они рѣшаютъ университетскіе вопросы и дѣла, распределяютъ денежныя суммы, оцѣниваютъ диссертациі, избираютъ въ профессора, не говоря уже о томъ, что только они получаютъ жалованье, чины, ордена, тогда какъ другая половина преподавательскаго персонала, передъ лицомъ чистой справедливости имѣющая не меньшее право на всѣ эти привилегіи, лишена и средствъ къ жизни и правъ, да вдобавокъ еще осуждена на хроническое безбрачіе!.. Гдѣ же тутъ, господа, справедливость?..

Такимъ образомъ, я подхожу незамѣтно ко второму изъ поставленныхъ нами вопросовъ, а именно: *должны-ли приватъ-доценты пользоваться правомъ голоса въ факультетъ, нужны-ли они факультету?*

Прежде всего, посмотримъ, что такое нынѣшній факультетъ. Между его членами часто встрѣчаются истинно великіе и достойные ученые, личности высокаго нравственнаго уровня, но нерѣдко бываютъ и такіе, которые попали туда, такъ сказать, „по недоразумѣнію“, усиленному счастливой „случайностью“. Ни для кого не секретъ, что, благодаря одновременному присутствію въ факультетѣ столь противоположныхъ (хотя и однородныхъ, по возрасту и положенію) элементовъ, образуются партіи. Происходитъ борьба партій уже ради партійнаго, а не чисто научнаго, общеуниверситетскаго интереса. Случаются вещи и похуже. Проваливаются талантливыя диссертациі, пропускаются плохія. Забаллотировываются достойные кандидаты на кафедры, проводятся недостойныя... Составъ партій нерѣдко мѣняется: являются пере-

бѣжчики. Одно и то же университетское дѣло сегодня рѣшается такъ, черезъ годъ—иначе. Неприятности и несправедливости въ факультетской средѣ глухо отдаются въ молодежь, которая невольно утрачиваетъ уваженіе къ университетской святынѣ и къ званію профессора. Вотъ истинный корень взаимнаго недоверія и взаимнаго непониманія между профессорами и студенчествомъ, такъ тяжело отразившагося на жизни нашихъ университетовъ за послѣдніе годы.

Конечнымъ поводомъ къ такой борьбѣ партій являются выборы на вакантную каѳедру, конечною цѣлью—приобрѣтеніе цѣннаго для данной партіи союзника въ лицѣ избраннаго, конечными причинами: во-первыхъ, малочисленность членовъ факультета, а слѣдовательно и малочисленность подаваемыхъ ими мнѣній; во-вторыхъ, однородность (въ смыслѣ возраста, положенія, взглядовъ, а часто и настроенія) составляющихъ его элементовъ, а отсюда односторонность мнѣній и, въ-третьихъ, что самое главное, единоличность рѣшеній по вопросамъ той или другой каѳедры. И эти три причины (особенно послѣдняя) — главное зло всѣхъ факультетскихъ, а потому и всѣхъ, пожалуй, университетскихъ настроеній.

Эта небольшая кучка людей, изъ коихъ многіе ищутъ лишь власти и вліянія, такъ ревниво охраняющая свои интересы и интересы своихъ партій, развѣ составляетъ собою тотъ истинный факультетъ, автономія котораго такъ желательна?.. Развѣ рѣшенія его непогрѣшимы?.. Развѣ постоянно дѣйствія его внушаютъ уваженіе и довѣріе въ молодежи?.. Нѣтъ. А между тѣмъ студенческія волненія легко и просто могли бы быть прекращаемы личнымъ вліяніемъ профессоровъ, если бы послѣдніе сьумѣли приобрести довѣріе и уваженіе студентовъ, чему никогда не бывать при нынѣшнемъ факультетѣ.

Какъ можетъ быть достигнута высшая цѣль раціональнаго устава университетовъ,—сближеніе профессоровъ со студентами и сплоченіе тѣхъ и другихъ въ одну тѣсную семью,—если нынѣшній факультетъ не хочетъ даже сблизиться съ приватъ-доцентами, этими *естественными* и *единственными* посредниками между собой и молодежью, отказывая имъ даже въ правѣ голоса на своихъ засѣданіяхъ?..

А между тѣмъ возможно создать такой факультетъ, автономія котораго, дѣйствительно, была бы способна дать университетской жизни вполне раціональное устройство!..

Для этого необходимо уничтожить важнѣйшіе недостатки стараго факультета, а именно: малочисленность его членовъ, однородность составляющихъ элементовъ и, въ особенности, „единоличность“ рѣшеній по вопросамъ отдѣльныхъ каѳедръ, которая

состоить въ томъ, что рѣшеніе вопросовъ о достоинствѣ оставляемыхъ при университетѣ, о знаніи магистрантовъ, о качествахъ диссертаций, о кандидатахъ на кафедры и т. п. находится въ рукахъ *одного*, рѣдко двухъ и болѣе (обыкновенно спѣвшихся) профессоровъ-специалистовъ по данному предмету.

Для уничтоженія „единоличности“ факультетскихъ рѣшеній, необходимо безотлагательно увеличить контингентъ этихъ специалистовъ, признавъ членами факультетовъ, по возможности, всѣхъ привать-доцентовъ, имѣющихъ ученые степени магистра и доктора (присвоивъ имъ, къ слову сказать, при этомъ наименованіе доцентовъ). Нѣтъ сомнѣнія, что при такомъ условіи рѣшенія по предмету той или другой специальности будутъ объективнѣе и безпристрастнѣе, чѣмъ въ настоящее время, такъ какъ будутъ постановляться по большинству голосовъ всѣхъ наличныхъ специалистовъ; рѣже будутъ проваливаться достойныя диссертации и пропускаться плохія, рѣже будутъ проводиться недостойныя кандидаты на кафедры и т. п. вмѣстѣ съ тѣмъ увеличится число голосовъ въ факультетѣ, нарушится однородность его элементовъ (различіемъ возрастовъ и настроеній), однообразіе подаваемыхъ мнѣній и уменьшится духъ партійности, такъ какъ понизится конкуренція между привать-доцентами, ищущими профессуры,— столь роняющая въ глазахъ молодежи нравственное обаяніе личности университетскаго преподавателя.

Въ самомъ дѣлѣ, привать-доцентъ, разъ онъ имѣетъ средства къ жизни и состоитъ членомъ факультета, съ меньшей, чѣмъ въ настоящее время, интенсивностью, будетъ домогаться профессуры, которая не будетъ уже для него такой завидной приманкой, станетъ терпѣливѣе дожидаться своей очереди... Да при томъ его личность и знанія будутъ лучше узнаны и оцѣнены, благодаря близкому общенію, его сотоварищами по факультету. Вѣдь не секретъ, что частенько проваливали на факультетскихъ выборахъ человекъ достойнаго, только по причинѣ сплетенъ и ложныхъ слуховъ, распускаемыхъ завистниками и соперниками; и, конечно, самый роковой, самый смертельный для избираемаго ложный слухъ заключается въ двухъ магическихъ словахъ: „онъ неуживчивъ“, или „онъ—интриганъ“... Съ другой стороны, хотя, въ случаѣ рекомендуемаго нововведенія, выборъ профессоровъ экстраординарныхъ и ординарныхъ и оставался бы всецѣло въ рукахъ членовъ факультета, за то самое допущеніе въ его члены привать-доцентовъ находилось бы въ зависимости не отъ произвола борющихся партій, а исключительно отъ научныхъ достоинствъ даннаго лица, что, конечно, должно было бы въ корнѣ подорвать организацию факультетскихъ партій.

Да, я не сомнѣваюсь, что присвоеніе привать-доцентамъ,

имѣющимъ ученія степени, права голоса въ факультетахъ и совѣтъ (въ связи, конечно, съ назначеніемъ имъ штатнаго содержанія), увеличивъ число голосовъ и мнѣній въ этихъ учрежденіяхъ, тѣмъ самымъ замѣтно ослабить, а вѣроятно и вовсе устранить неурядицы, какъ въ жизни факультетовъ, такъ и въ жизни всего университетскаго цѣлаго.

Если-бы эта мѣра почему-либо показалась трудно выполнимой, можно было-бы придать указанныя права голоса только докторамъ и тѣмъ изъ магистровъ, которые имѣютъ уже извѣстную давность, напримѣръ, въ десять лѣтъ, по пребываніи въ этой степени и званіи доцента при данномъ университетѣ.

До сихъ поръ, говоря о приватъ-доцентахъ, я имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, имѣющихъ ученія степени; говоря о магистрантахъ въ званіи приватъ-доцентовъ, я разумѣлъ исключительно лицъ, по своимъ знаніямъ, преподавательскимъ и ораторскимъ талантамъ безусловно достойныхъ чести читать съ кафедры. Но такъ какъ число такихъ магистрантовъ весьма и весьма невелико, я вообще полагаю, что самый контингентъ приватъ-доцентовъ должепъ быть ограниченъ извѣстными требованіями, и что приватъ-доцентомъ можетъ быть только магистръ или докторъ. Привожу по этому поводу почти полностью мой отвѣтъ на вопросный пунктъ о приватъ-доцентахъ, представленный въ комиссію по пересмотру устава и правилъ университетовъ, назначенную Совѣтомъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета въ истекшемъ 1901 году.

„Такъ какъ профессора, на ученой репутаціи которыхъ основывается слава университета, а равно подъемъ его учебной и научной дѣятельности, избираются изъ числа приватъ-доцентовъ, назначеніе этихъ послѣднихъ должно быть подчинено особенно строгому контролю, должно удовлетворять болѣе суровымъ, по сравненію съ нынѣшними, требованіямъ. Невѣроятная многочисленность приватъ-доцентовъ, наблюдаемая за послѣднее время, явственно свидѣтельствуетъ за полную негодность большинства къ замѣщенію кафедръ, такъ какъ крупные таланты, именно тѣ, которые, собственно, и нужны университету, не могутъ нарождаться въ количествѣ 15—20 экземпляровъ ежегодно въ одномъ и томъ же университетѣ. Согласно уставу 1884 года, доступъ въ приватъ-доценты слишкомъ легокъ: стоитъ только выдержать (устный) экзаменъ на магистра,—экзаменъ далеко не всегда трудный... Молодой человѣкъ, только-что окончившій курсъ университета, въ какіе-либо два года магистрируется, представляетъ въ факультетъ одну, двѣ жиденькія печатныя работки, и вотъ новопеченный приватъ-доцентъ (въ семейныхъ кружкахъ онъ безъ труда сходитъ за „профессора“) готовъ. Это—еще ничего-бы, кабы талантъ—крупный, кабы знанія—основательныя, которыхъ рѣдко

кто пріобрѣтетъ за какіе-либо два года подготовки... Ну, а когда таланта нѣтъ, когда знанія одними верхами, да громкими именами отзываются?.. Вѣдь всего у человѣка на магистерскомъ экзаменѣ не выпросишь... Какое, скажите, обаяніе можетъ имѣть на толпу молодежи этотъ безбородый золотушный юноша, читающій иногда (слава Богу, не часто) обязательный курсъ, если у него при томъ и лекторскаго таланта не имѣется, ... на эту восторженную толпу молодежи, которая, покинувъ душевные схоластическіе классы гимназіи, съ восторгомъ бѣжитъ въ университетъ, на свѣжій воздухъ, къ чистой, живой наукѣ, спѣшитъ увлечься вѣсьмъ высокимъ и свѣтлымъ на лекціяхъ, спѣшитъ узнать у старыхъ студентовъ имена великихъ профессоровъ, — „европейскихъ знаменитостей“, — и заполняетъ аудиторіи чужихъ факультетовъ, чтобы посмотрѣть, послушать великаго человѣка (вѣдь сбѣгались-же юристы слушать Менделѣева, а естественники — Градовскаго) и впоследствии создать изъ среды своей одного, двухъ дѣйствительно крупныхъ недюжинныхъ дѣятелей.

„А что сказать про безталаннаго приватъ-доцента изъ магистрантовъ, читающаго чахоточный спеціальныи курсъ?.. Какихъ слушателей онъ найдетъ?.. Какую пользу принесетъ?.. Нѣтъ, многочисленность приватъ-доцентовъ есть крупное зло, такъ какъ оно подрываетъ въ слушателяхъ уваженіе къ ученому и его наукѣ. охлаждаетъ свѣтлый юношескій энтузіазмъ, низводитъ, въ глазахъ молодежи, живую университетскую науку на степень тусклой бездарной схоластики. Число приватъ-доцентовъ, особенно по тѣмъ кафедрамъ, гдѣ много спеціалистовъ, *должно быть существенно ограничено*: а именно, въ число приватъ-доцентовъ могутъ быть допускаемы только лица, имѣющія ученые степени магистра (если, вообще, эта степень будетъ сохранена) и доктора. Разумѣется, для такихъ талантливыхъ ученыхъ, какъ напр. Н. М. Коркуновъ, для такихъ блестящихъ ораторовъ, какъ М. И. Свѣшниковъ, необходимо дѣлать исключенія; но опять-таки число возможныхъ исключеній должно быть ограничено извѣстнымъ (небольшимъ, впрочемъ) процентомъ.

„Мало того, необходимо существенно повысить строгость требованій, предъявляемыхъ нынѣ къ магистерскимъ и особенно докторскимъ диссертаціямъ. Магистерской, тѣмъ болѣе докторской, диссертаціей не можетъ быть чисто описательная работа, безъ самостоятельной, объединяющей идеи автора, или какая-либо толстая компіляція, съ изложеніемъ небольшого числа „собственныхъ“ незначущихъ наблюденій, фактивовъ и т. п. Профессоромъ университета, слѣдовательно, докторомъ можетъ быть *только* ученый, уже открывшій новые, оригинальные пути въ своей наукѣ или одной изъ ея областей, *только* ученый, уже создавшій собственную систему созерцанія, приватъ-доцентомъ, слѣдовательно, магистромъ — *только* ученый, уже положившій прочныя основанія

такой системѣ. Для наукъ, уже законченныхъ, каковы анатомія и метафизика, гдѣ только величайшій умъ могъ-бы нынѣ сдѣлать новое открытіе или создать новую систему, можно было-бы ограничиться одной ученой степенью, напримѣръ, доктора.

„Я считалъ-бы необходимымъ для блага университетовъ предоставить приватъ-доцентамъ, имѣющимъ степень доктора право голоса въ факультетѣ и Совѣтѣ. Благодаря такой мѣрѣ, съ одной стороны, былъ-бы существенно ограниченъ произволъ, допускаемый иногда отдѣльными профессорами, при рѣшеніи тѣхъ или другихъ вопросовъ въ по данной кафедрѣ; съ другой стороны, автоматически повысилась бы строгость требованій, предъявляемыхъ къ магистерскимъ и докторскимъ диссертациямъ, а слѣдовательно и качество самыхъ диссертаций (уже по тому, что увеличеніе числа голосовъ въ факультетѣ, не для всякаго члена его было-бы желательно)“.

Къ сожалѣнію, на нѣкоторыхъ факультетахъ читаются предметы, требующіе самой узкой и, если можно такъ выразиться, самой мелочной специализаціи, предметы, по которымъ почти неимѣется у насъ специалистовъ. Сюда относятся, напримѣръ, курсы малоизвѣстныхъ восточныхъ нарѣчій или малоизвѣстныхъ мертвыхъ языковъ. Если-бы въ университетахъ открыто было чтеніе курсовъ по кавказскимъ, хотя-бы, нарѣчіямъ, каковы сванетское, абхазское и т. п. (а это, съ теченіемъ времени, конечно, когда-либо случится), если при этомъ объявятся желающіе слушать подобные курсы, то тогда, разумѣется, не только магистровъ и докторовъ,—магистрантовъ даже не хватило-бы для замѣщенія кафедръ (по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ). Въ такихъ случаяхъ уже волей-неволей пришлось-бы допускать къ чтенію лекцій въ званіи приватъ-доцентовъ даже лицъ, еще не выдержавшихъ устныхъ испытаній на степень магистра. Именно въ виду этого обстоятельства, а равно въ виду того, что преобладающее большинство университетскихъ профессоровъ, насколько мнѣ извѣстно, стоитъ за умноженіе арміи приватъ-доцентовъ, я оставляю покаместъ въ сторонѣ вопросъ объ ограниченіи числа ихъ и теперь резюмирую предлагаемые мной на разсмотрѣніе публики выводы, исходя изъ предположенія, что единственнымъ условіемъ для достиженія приватъ-доцентуры принимается лишь выдержаніе устныхъ испытаній на степень магистра.

1) Такъ какъ профессора избираются изъ числа приватъ-доцентовъ, а чтобы быть достойнымъ профессорскаго званія необходимо *все время* посвящать исключительно научной подготовкѣ, составленію диссертаций и т. п., что немыслимо безъ извѣстнаго матеріальнаго обезпеченія, слѣдуетъ приватъ-доцентамъ выдавать ежегодное вознагражденіе, въ размѣрѣ, примѣрно, 300 рублей, въ теченіе 5—7 лѣтъ, срока, вполне достаточнаго для написанія

магистерской диссертации, по истечении какого выдача такого вознаграждения прекращается.

2) Привать-доцентъ, послѣ полученія магистерскаго диплома, получаетъ ежегодное вознагражденіе, въ размѣрѣ, примѣрно, 600 р., числится состоящимъ на государственной службѣ и именуется доцентомъ, а въ случаѣ передачи ему факультетомъ обязательнаго курса, также въ случаѣ, если выслужить 10 лѣтъ со дня полученія ученой степени магистра, дѣлается членомъ факультета.

3) Доцентъ, по полученіи ученой степени доктора, получаетъ вознагражденіе, примѣрно, въ размѣрѣ 1,200 рублей и числится членомъ факультета.

Мнѣ могутъ возразить, что предоставленіе привать-доцентамъ права проникать съ привилегіей голоса въ факультеты, помимо факультетскихъ выборовъ и только на основаніи полученной ученой степени, можетъ отвлечь молодыхъ ученыхъ отъ провинціи къ столицѣ, убавить наличность научныхъ силъ въ провинціальныхъ университетахъ и наводнить учеными факультеты столичныхъ университетовъ. Это, конечно, было-бы весьма нежелательно, такъ какъ крупные ученые въ той-же степени нужны провинціи, какъ и столицѣ. Но и средства для борьбы съ подобнымъ явленіемъ — весьма немудренія. Для этого нужно только ввести въ уставъ университетовъ параграфъ, разрѣшающій привать-доценту переходить изъ одного университета въ другой не иначе, какъ по особому приглашенію факультета чужого университета. Ради большей опредѣленности, можно было-бы ввести и другой параграфъ, который, разрѣшая принципиально желающимъ держать устные испытанія на степень магистра въ любомъ (хотя-бы и не своемъ) университетѣ, въ то же самое время предоставлялъ факультетамъ исключительное право принимать по своему усмотрѣнію въ число привать-доцентовъ даннаго университета магистрантовъ, окончившихъ курсъ или магистривавшихся въ другихъ университетахъ.

Въ заключеніе настоящей замѣтки моей я позволилъ бы себѣ сказать нѣсколько словъ по поводу ученыхъ степеней.

Нѣкоторые ратуютъ за упраздненіе этихъ послѣднихъ. Наставать на этомъ можно: или по личнымъ причинамъ, или только по недоразумѣнію, по незнанію или непониманію русской дѣйствительности... Русскій челоуѣкъ, котораго исторія, со временъ татарскаго ига, въ теченіе вѣковъ, учила добродѣтели изъ-подъ палки, получивъ нынѣ нѣкоторую долю свободы, еще не успѣлъ культивировать въ себѣ той честности, той добросовѣстности и пунктуальности, которая, напримѣръ, нѣмецкому доктору философіи не позволяетъ домогаться привать-доцентуры раньше, чѣмъ онъ не создастъ себѣ крупнаго имени учебными работами (въ Германіи при томъ, благодаря огромной наличности специалистовъ, и судъ

науки чрезвычайно строгій: не всякаго ученаго, даже изъ разряда весьма талантливыхъ, пропустятъ на кафедру)... Сверхъ того, русскій человекъ чрезвычайно лѣнивъ по природѣ, и врядъ-ли кто не согласится съ этимъ... Талантливый ученый, преданный наукѣ способный въ ней многое сдѣлать, онъ скоро устаетъ и главнымъ образомъ благодаря своей неуравновѣшенности. Командированный за границу заниматься наукой и готовить себя къ занятію кафедры, онъ буквально приводитъ въ изумленіе нѣмецкихъ профессоровъ своимъ рвеніемъ, усидчивостью, способностями (здѣсь роль палки играютъ: самолюбіе, энтузіазмъ, нервы, непривычная жизнь въ чужой обстановкѣ и т. п.)... Но стоитъ только такому цвѣтку возвратиться домой, на родину, глядишь, онъ:

„Вдругъ захирѣлъ, завялъ почти до половины“...

а иногда и совсѣмъ.

Достигнувъ матеріальнаго успокоенія черезъ получение штатной приватъ-доцентуры (доцентуры) или профессуры, тотъ-же самый ученый сплошь и рядомъ вовсе перестаетъ работать. То же случается со многими, даже съ весьма многими русскими учеными по достиженіи ими магистерской, а тѣмъ болѣе докторской степени. Вотъ причина, по которой у насъ, въ Россіи, положительно невозможно упразднить ученые степени до поры до времени (а эта пора и это время придутъ весьма нескоро). Вотъ почему русскій университетъ, только черезъ предъявленіе особенно строгихъ требованій къ магистерскимъ и докторскимъ диссертациямъ, можетъ гарантировать себѣ спокойную увѣренность въ томъ, что избранное имъ въ профессора лицо, дѣйствительно, достойно, по своимъ научнымъ заслугамъ и дарованіямъ, полученнаго званія и останется достойнымъ, даже въ случаѣ, если-бы оно впоследствии, по тѣмъ или другимъ причинамъ, покинуло ряды дѣйствующей арміи ученыхъ изслѣдователей.

Мнѣ казалось-бы даже прямо необходимымъ, чтобы предполагающійся новый уставъ университетовъ далъ спеціально выработанную, пространную формулировку тѣхъ условій, которымъ должны удовлетворять диссертациі на ученую степень. Какъ ни трудно создать подобную формулировку, это, однако, возможно. Разъ требованія, предъявляемая къ диссертациямъ на степень ясно и точно формулированы, этимъ самымъ въ значительной степени устранится-бы произволь, почти неизбежный при оцѣнкѣ научнаго достоинства такихъ диссертациій. А чѣмъ строже эти требованія,—тѣмъ лучше, такъ какъ, повторяю, слава университета, а слѣдовательно и расцвѣтъ его научной и учебной дѣятельности основываются, прежде всего, на ученой репутациі его профессоръ и преподавателей

А. Карножицкій.

Извлечено изъ журнала „Научное Обозрѣніе“ за 1902 г.

Дозволено цензурою. Слб. 27 марта 1902 г.

Типографія П. П. Сойкина, Слб., Стремянная, 12.

РКГ
МБ

2011121969